

В.Г. Андреева

РОМАНЫ Э. ТРОЛЛОПА И «АННА КАРЕНИНА» Л.Н. ТОЛСТОГО: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА¹

Рассматриваются идейные и тематические переклички романов Э. Тrolлопа и Л.Н. Толстого, оцениваются возможные образы и мотивы, которые могли быть творчески освоены Толстым после прочтения романов Тrolлопа и использованы им при создании романа «Анна Каренина». Впервые достаточно подробно рассмотрены возможные влияния романов Тrolлопа на Толстого, которые коснулись жанрового своеобразия, наличия нескольких сюжетных линий, ряда схожих характеров героев и поведенческих характеристик, сложной иерархии сопоставляемых персонажей.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Э. Тrollop, роман, эпический роман, социально-психологический роман, реализм, заимствования, творческие освоения, художественные переклички.

Несмотря на то, что эпоха прямого влияния западноевропейской литературы на русскую осталась в прошлом, отечественные писатели XIX в. были чрезвычайно внимательны к находкам и достижениям своих европейских коллег, предшественников и современников. С уверенностью можно сказать, что в XIX в. русская литература и особенно русский роман поднимаются на небывалую высоту, берут на себя миссию воссоздания утраченной обществом гармонии. Но становление национальной литературы происходило в России с учетом многочисленных наработок и достижений Запада.

Каждый из крупных русских романистов второй половины XIX в. испытал в разной степени влияние достижений европейских писателей. Нашим классикам было свойственно и сострадающее пережи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

вание чужой культуры, и осознание ошибок и заблуждений современной им западной цивилизации. Нередко аспекты европейской жизни оценивались русскими писателями по-своему, однако факт решительного влияния опыта европейских писателей на формирование русского реалистического романа не вызывает сомнения.

Б.М. Проскурнин отмечает, что отдельная глава в диалоге русской и европейской литератур принадлежит «влиянию английского романа середины XIX в., уже приобретшего классические черты “хорошо сделанного романа”, на становление русского социально-психологического романа, а может быть – и русского романа в целом» [1. С. 35].

Данная статья посвящена генетическим и типологическим переключкам ряда романов Э. Тrolлопа и романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, осмыслению возможного влияния художественного творчества английского писателя на классика русской литературы. Необходимо оговориться о том, что, несмотря на многочисленные наработки, богатый опыт отечественного и зарубежного толстоведения, вопросы влияния ряда русских и зарубежных романистов на Толстого еще до конца не изучены. В большей степени это относится к созданию Толстым романа «Анна Каренина».

«В литературоведении уже давно стало аксиомой, что творчество любого писателя, в частности его жанровый диапазон, соотносимо как с “ближним”, так и с “дальним” контекстом. Путь к постижению смысловой емкости произведений того или иного художника, его эстетических пристрастий, новаций и в конечном итоге своеобразия созданного им мира во многом лежит через установление синхронических и диахронических связей», – пишет Н.В. Капустин [2. С. 24]. Нами достаточно подробно исследована проблема влияния русских второстепенных и третьестепенных романистов на Толстого, рассмотрены художественные находки второстепенных писателей (М. Криницкого, Б.М. Маркевича, А.К. Шеллера-Михайлова, П.Д. Боборыкина), которые были творчески освоены Толстым и стали подготовительным материалом для создания романа «Анна Каренина» [3. С. 292–381]. Возможные влияния на Толстого зарубежных, в частности английских, писателей второго и третьего ряда до сих пор серьезно не рассмотрены в отечественной науке. На фоне достаточно изученного в литературоведении влияния на Толстого

Ч. Диккенса вопрос творческого освоения Толстым произведений Тrolлопа и диалога с ним до сих пор остается открытым. В последние годы появилось несколько статей, посвященных отдельным произведениям Тrolлопа. Большинство исследователей сходятся во мнении, что Тrolлоп ныне причислен в России к второстепенным романистам и является забытым писателем. Но, по мнению Толстого, Тrolлоп был одним из самых талантливых европейских авторов, и, разумеется, Толстой был чрезвычайно внимателен к его художественным находкам и достижениям.

Всего Э. Тrolлопом написано 47 романов разного уровня художественного мастерства, среди которых есть и шедевры, и менее удачные и несколько затянутые произведения. Однако Тrolлоп может быть назван классиком английской литературы. Его произведения во второй половине XIX в. пользовались большой популярностью не только в Англии, но и в России. На русский язык в XIX в. было переведено 22 романа Э. Тrolлопа, а Толстой, в совершенстве владевший английским языком, мог читать произведения своего современника и в оригинале.

Прежде чем обратиться к сопоставлению романов Тrolлопа и Толстого, необходимо сказать несколько слов о читающей публике второй половины XIX в. Издание романов Тrolлопа на русском языке способствовало включению этих произведений в своеобразный художественный полилог. Причем некоторые романы Тrolлопа выходили в свет дважды, с интервалом в несколько лет. Вообще для русских писателей второй половины XIX в. было характерно особое внимание к творчеству друг друга. Скорее всего, оно обуславливалось не только особой близостью русской литературы к жизни, постоянным вниманием романистов как к общественно-политическим проблемам, так и к вечным вопросам взаимоотношения людей, но и единым стремлением авторов к преобразению жизни, формированием идеала человеческого существования. Этот идеал рождался, во многом, в сложном диалоге между романами, на фоне происходящих в стране и мире изменений и носил довольно динамичный характер. Переводные произведения западноевропейских писателей также включались в этот диалог, поскольку русскому читателю предлагались образцы европейской жизни, к которым нужно было стремиться или которые, наоборот, необходимо было обходить стороной.

Б.М. Проскурнин констатирует, что русскому читателю были чрезвычайно интересны проблемы значимости отдельно взятой личности, ищущей своего места и призвания, что на русской почве были все условия для благоприятного восприятия образов справедливых и честных политиков, представленных в романах Тrolлопа: «Человек, избравший политику сферой своей жизни, полагал Тrolлоп, должен руководствоваться высокими нравственными помыслами; его честолюбие, неизбежное для всякого молодого политика, должно быть бескорыстным, он должен искренне желать быть полезным народу и быть способным отдать всего себя трудной, не всегда приносящей только политические лавры, напряженной каждодневной работе во имя благородных целей. Все это перекликается с пафосом русской литературной либеральной и демократической критики 1860–1880-х гг., требовавшей от литературы, правда, исходя из разных оснований, подобного духовного воздействия на читателя» [1. С. 41].

Толстого привлекали не только идеи, определенные сюжетные ходы и образы, но и находки Тrolлопа как одного из самых искусных писателей-психологов. Уже не раз в литературоведении цитировались слова Толстого о Тrolлопе, отмеченные им в дневнике: «Тrolлоп убивает меня своим мастерством. Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое – или, скорее, что не мое, вот главное искусство» [4. Т. 48. С. 64]. Этой записи предшествует фраза об отчаянии Толстого: «Писал. Но я отчаиваюсь в себе» [4. Т. 48. С. 64], а следом идет знаковое предложение о технике работы: «Надо мне работать, как пианист» [4. Т. 48. С. 64]. Скорее всего, прочтение Тrolлопа открыло Толстому уникальные новаторские приемы создания характеров и навело на мысль о необходимости отработки техники письма.

К сожалению, в письмах и дневниках Толстого не так много указаний и ссылок на Тrolлопа. Однако вышеприведенной дневниковой записи и еще нескольких упоминаний об английском писателе достаточно, чтобы оценить отношение Толстого к Тrolлопу. Так, одно высказывание Толстого: «Prime Minister прекрасно», сделанное им относительно романа Тrolлопа «Премьер-министр» в письме к С.Н. Толстому от 10 (11) января 1877 г. [4. Т. 62. С. 302], говорит об очень высокой оценке.

Толстой всегда был чрезвычайно лаконичен в выражении похвалы и восхищения по отношению к тем писателям, которые оказыва-

ли на него какое-либо влияние. Это наблюдение проверено нами неоднократно при изучении перекличек романа «Анна Каренина» с рядом произведений русских второстепенных писателей. Представим один показательный пример. Нами обнаружено значительное количество параллелей между романом Б.М. Маркевича «Забытый вопрос» и романом Толстого «Анна Каренина» [5. С. 238–256]. Выявленные сходства и совпадения дают основание сделать вывод, что Толстой творчески освоил некоторые художественные находки Маркевича, а потом использовал их при создании романа «Анна Каренина». То, что Толстой читал роман «Забытый вопрос», опубликованный в журнале «Русский вестник» в 1872 г., не вызывает сомнения. Однако открыто он нигде не упоминает о романе Маркевича, лишь в планах и заметках к «Анне Карениной» мы находим следующую запись: «В деревне женатый. Охота. Поездка Долли. Житье Анны с Вронским. Маркевич, рассказ о Петерб[ургском] житье [4. Т. 20. С. 6].

Вышеуказанная особенность Толстого проявляется и по отношению к Тrolлопу. Толстой приводит романы Тrolлопа в списке произведений, которые произвели на него большое впечатление во временной промежуток от 35 до 50 лет (обратим внимание, что в этом списке только семь позиций, включая Тrolлопа) [4. Т. 66. С. 68]. Тот факт, что Тrolлоп высоко оценивался Толстым как романист, подтверждает и упоминание Тrolлопа Толстым в статье «Первая ступень» [4. Т. 29. С. 63].

Внимательное сопоставление романов Тrolлопа и романа «Анна Каренина» позволяет нам сделать вывод о значительном влиянии английского писателя, его художественных образов и идей на Толстого. Впрочем, главная «подсказка» читателю дана в самом романе «Анна Каренина». В вагоне поезда, при возвращении из Москвы в Петербург, Анна читает роман. И по описанию знаковых сцен (уход героини за больным, выступление члена парламента, эпизод охоты с участием леди Мери, удивлявшей всех смелостью) он более всего похож на романы Тrolлопа. К. Хьюитт пишет, что Толстой не позволил бы Анне читать второсортного автора: «Здесь Анна отвлекается и начинает мечтать о Вронском. Толстой не называет роман, который она читает во время своего жизненного кризиса, возможно, он и не имеет в виду никакого конкретного произведения, но почти

наверняка он думает о конкретном писателе – это Энтони Троллоп» [6. С. 277]. Этот вывод исследователь справедливо делает на основании некоторых характерных составляющих романов Троллопа: «Активные женщины, политика, охота, аристократия – все это вполне английские реалии, но насколько же по иному звучат эти темы в трактовке русских писателей» [6. С. 277].

Скорее всего, Толстой рассчитывал на то, что самые проницательные читатели поймут, какой роман Анна Каренина читает в вагоне. Более того, Толстой в воображении читателя приближает романы Троллопа к тем произведениям, которые раскрывают порочность существования высшего света. Анне вдруг становится стыдно за героя и за себя: «Герой романа уже начинал достигать своего английского счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого» [4. Т. 18. С. 107]. Анна сама пока не отдает себе полного отчета в том, чего она стыдится, но внутренний голос приводит ее к мысли о Вронском. Читатель Толстого должен понять, что несмотря на все исключительные обстоятельства жизни Анны и особенности ее внутреннего мира (она была выдана замуж за Каренина не по любви, она искренне любит Вронского, Анна – глубокая и чувствующая натура, совестливый человек), она в данном случае постепенно приближается к тому пути лжи и обмана, по которому шли Сафо Штольц и Лиза Меркалова, а также приятельница Анны Бетси Тверская.

В Англии Троллоп впервые стал автором целых эпических циклов, выразителем английского национального характера. Ему принадлежат две знаменитые серии романов: «Барсетширские хроники» (включает 6 романов) и романы о Плантагенете Паллисъере (цикл состоит также из 6 романов). Разумеется, Толстой не ориентировался на сериальность романов Троллопа, но не исключено, что две сюжетные линии в «Анне Карениной» появились и под влиянием сложного переплетения сюжетных линий романов Троллопа. Кроме того, особая временная протяженность и событийная насыщенность произведений английского писателя, в которых действует ряд одних и тех же героев, могла повлиять на Толстого, в «Анне Карениной» обратившегося не к частным противопоставлениям героев, в попытавшегося создать сложную иерархию, вмещающую различные че-

ловеческие качества и черты. Конечно, о каких-либо прямых заимствованиях в данном случае говорить нельзя: в памяти Толстого ко времени работы над романом «Анна Каренина» было немало образов и сюжетных элементов из русской и зарубежной литературы. Однако ряд находок Тrolлопа мог способствовать созданию образов Толстого.

И.Ф. Гнусова достаточно подробно сравнила Фрэнсиса Эйрбина, героя четырех из шести романов «Барсетширской хроники» и Константина Левина, героя романа «Анна Каренина». Наблюдения исследовательницы интересны: она отмечает, что кризисы Эйрбина схожи с кризисами Левина. И.Ф. Гнусова констатирует страстное отношение обоих героев к своему делу, сходство их размышлений об общественном долге, отсутствие эгоизма. Она отмечает и сюжетные параллели: в момент мучительного выбора Эйрбина спасает сельский священник: «Сельский священник учит героя двум вещам – смирению и преодолению эгоизма. Он указывает Эйрбину, что “христианином должен руководить закон внутренний, а не внешний”» [7. С. 17]. «В системе ценностей Толстого народная мудрость точно так же регулярно одерживает верх над гордостью и самолюбивым отчаянием Левина», – отмечает исследовательница [7. С. 17].

И.Ф. Гнусова справедливо подчеркивает, что двум героям Тrolлопа и Толстого дорог семейный идеал, что оба они предаются мотиву искушения в сценах встречи Маделины Нерони и Эйрбина у Тrolлопа и Левина и Анны у Толстого [7. С. 19–20]. Мы не будем в данном случае подробнее останавливаться на этом удачно отмеченном сопоставлении. Просто оговоримся также об уже упомянутом литературоведами сходстве сцен самоубийства погибающих под колесами поезда Фердинанда Лопеса в романе «Премьер-министр» и Анны Карениной.

Почти во всех романах Тrolлопа мы встречаем представителей английской знати и высшего света. В романе «Framley Parsonage» – «Фремлейский приход» (1861), содержащем несколько затянутую историю взаимоотношений гордой молодой девушки Люси, младшей сестры одного из главных героев, священника Марка Робартса и лорда Лофтона, и линию приключений самого Робартса, действующего и живущего вразрез с планами его благотельницы, леди Лофтон, очень хорошо представлены эпизоды охоты и бесед. Тrolлоп

иллюстрирует никчемность и пошлость светского общества, в котором епископ, служащий для Робартса своеобразным ориентиром, вдруг забывает о христианских заповедях и вере. Очень интересен и целен в романе образ Фанни, жены Робартса. Скорее всего, о явных перекличках данного романа с «Анной Карениной» говорить неуместно, хотя Толстой, скорее всего, мог учесть образ Марка Робартса, сбившегося с пути, запутавшегося с векселем и собственными страстями к лошадям и охоте.

В романе «The Small House at Allington» – «Оллингтонский малый дом» (1864) Тrolлоп рассказывает о женской половине семейства Дэл, о матери и двух дочерях и их избранниках. Адольф Кросби жестоко обманывает Лили Дэл: сделав ей предложение и получив согласие, с условием отсрочки свадьбы из-за сложного финансового положения, Адольф посещает аристократический дом де Курси, где делает предложение Александрин де Курси. С точки зрения возможных перекличек романов показательна сцена крокета на поляне у дома (вспомним крокет у Бетси Тверской), интересно также рассуждение Тrolлопа о жизни в удовольствие, к которой стремится Адольф Кросби. Тrolлоп мастерски описывает самолюбование Афольфа, которого невеста Лили Дэл в шутку называет Аполлоном.

В этих романах, как и почти во всех произведениях Тrolлопа, многими первостепенными героями часто руководят соображения выгоды и денежный, материальный интерес. Мотив торга, который у Толстого реализуется в романе «Анна Каренина» благодаря образу купца Рябинина, а также некоторым второстепенным героям, у Тrolлопа оказывается на первом плане. Для Толстого не были интересны те соображения личной выгоды, которые побуждают у Тrolлопа Адольфа Кросби отказаться от женитьбы на Лили, а леди Лору в романе «Финиас Финн, ирландский член парламента» выйти замуж за Кеннеди. Ни один роман Тrolлопа не обходится без расчетливых соображений героев: почти в каждом его романе один из сюжетных узлов завязан на каких-либо денежных суммах и жажде их обладания, получении наследства и пр. Разумеется, это как раз тот момент, где у Тrolлопа «свое», а у Толстого – «свое». Так, в романе «Оллингтонский малый дом» большинство решений Адольфа Кросби оказываются обусловленными соображениями о дальнейшей выгоде: за Лили Дэл ее дядя не дает никакого приданного, поэтому брак с ней,

несмотря на всю прелесть невесты и чувство Адольфа, становится для героя абсурдным. В романе «Орлийская ферма» все вращается вокруг когда-то подделанного леди Мэзон завещания. В романе «Бриллиантовое ожерелье» предприимчивая Лиззи выходит замуж за больного, но очень богатого и родовитого Флориана Эстаса, чтобы получить достойное обеспечение: «Однако же следовало ковать железо, пока оно горячо. Жертва легко могла выскользнуть из ее рук. Со дня смерти ее отца прошло только десять месяцев, и какой ответ могла она дать, когда услышала весьма обыкновенную в подобных случаях просьбу поторопиться со свадьбой. Теперь был июль. Сэра Флориана следовало немедленно женить до наступления суровой зимы. Она взглянула ему в лицо и поняла, что имела причины бояться. О небо! Если все ее радужные мечты разлетятся прахом и про нее станут говорить, что она была только невестой покойного сэра Флориана!..» [8]. А в романе «Леди Анна» Жозефина Муррей, перенесшая множество страданий после неудачного замужества, не может принять того, того ее дочь Анна предпочитает выгодной партии лорда Ловеля портного Даниэля Твейта.

Эти перипетии привлекали Толстого в меньшей степени, восхищало его мастерство Тrolлопа в изображении характеров. Большинство исследователей отмечают, что Тrolлоп был потрясающим психологом. Так, Ч.П. Сноу убежден, что для понимания художественного мира Тrolлопа в том виде, каким его видел автор, необходимо обладать конгениальностью. По мнению Сноу, Тrolлоп был врожденным психологом, обладавшим прозорливостью и даром провидения: «Он умел видеть каждого занимавшего его человека и изнутри и со стороны – это очень существенная часть его дарования. Другими словами, он умел видеть человека таким, каким его видели другие, а кроме того – таким, каким он видел себя сам. Он обладал и прозорливостью, и способностью к сопереживанию, которые сосуществовали в нем на редкость гармонично. Далее (и это, пожалуй, даже еще более редкий дар), он со всей непосредственностью видел человека не только в данном месте и в данную минуту, но также в прошлом и в будущем» [9. С. 122]. Это умение Тrolлопа Сноу назвал апперцепцией.

Большинство сцен в романах Тrolлопа продуманы, а его герои от начала до конца романа часто проходят сложный путь и нередко

значительно изменяются. Причем процесс раскрытия героя для читателя часто идет у Тrolлопа параллельно с постепенным его развитием. Именно поэтому лучшие романы Тrolлопа требуют осознания мотивов поступков героев на том или ином этапе, видения соотношения героев в каждый момент времени в романе. В самых выдающихся своих произведениях Тrolлоп преодолевает притяжение описания конкретных событий и героев, его художественная мысль приобретает иной масштаб, приводя читателя не просто к соотношению сюжетных линий или поступков героев, а к осмыслению тех глобальных законов, согласно которым строится жизнь.

Обратимся к конкретным романам Тrolлопа и представим ряд интересных параллелей и перекличек с романом «Анна Каренина», еще не отмеченных исследователями. Проанализировав романы Тrolлопа, вышедшие в свет до создания «Анны Карениной», с учетом отмеченных выше открытий исследователей, в рамках обозначения возможных перекличек мы считаем наиболее интересными романы «Orley Farm» (1862 г.) – «Орлийская ферма» (переводная версия вышла в России в журнале «Библиотека для чтения» № 1–10 за 1863 г.) и «Can You Forgive Her?» (1864 г.) – «Виновата ли она?» (переводная версия вышла в России в журнале «Русское слово» за 1864–1865 гг.). Роман «Виновата ли она?» является первым в цикле романов о Пантагенете Паллисере.

В романе «Орлийская ферма» мы видим леди Мэзон, после смерти мужа подделавшую завещание в пользу их единственного общего сына. Сын леди Мэзон, Люций, уже стал взрослым, и его сводный брат с подачи обиженного на Мэзонов адвоката и их соседа начинает судебное дело против леди Мэзон. За еще молодую, красивую и чуткую женщину вступаются ее друзья: богатый пожилой аристократ Перегрин Орм и законовед и адвокат мистер Фёрниваль. Леди Мэзон пользуется услугами и того, и другого, однако ведет себя скромно и поступает честно по отношению к каждому. Желание оказать помощь и искренняя симпатия к ней старика Перегрин приво- дят к тому, что он делает леди Мэзон предложение. И последняя вынуждена согласиться в силу огромного уважения к Перегрину. Леди Мэзон движут в разное время то стремление найти защитников в лице влиятельных мужчин, способных помочь ей отстоять имение для сына, то чувства к окружающим ее людям. В итоге свадьба Перегрин и

леди Мэзон расстраивается из-за признания последней в том, что около двух десятков лет назад она подделала завещание умершего мужа. Леди Мэзон переживает муки совести, благодаря помощи Фёрниваля она выигрывает процесс, но сын ее, узнав правду, отказывается от имения, и сама леди Мэзон его поддерживает.

Ярких сюжетных переключек романов Тrolлопа и Толстого мы здесь не найдем. Зато в романе Тrolлопа есть героиня, очень схожая с Долли Облонской в «Анне Карениной». Мириам Дократ, супруга дельца Сэмюэля Дократа, который и отыскивает причину пересмотра старого судебного решения по поводу завещания Мэзона, мать шестнадцати детей, и внешне, и по характеру похожа на Долли: «Мириам Дократ, сидя в это утро с больным ребенком на коленях и окруженная другими четырьмя или пятью ребятишками, толпившимися вокруг нее, перепачканными, имела по-прежнему кроткий вид и нежный взор. Такая уж у нее была натура, что кротость и мягкость в ней все преодолевала... <...> Но ее миловидность и пригожесть миновали» [10]. И Мириам, и Долли выходят замуж по любви, но после разочаровываются в своих мужьях. И та, и другая живут настоящим, стойко перенося все неприятности и не на миг не сожалея о прошлом. «А бедная Мириам, может быть, думала в это время, что она могла бы сделать лучшее употребление из своей молодости и из своих денег. Впрочем, она ни о чем подобном не думала. Она была из числа тех личностей, которые живут настоящим, а не прошедшим. Правда, она была несчастна, но несчастна от своей мебели, несчастна, когда надо было заботиться о платьях четырех младших детей, несчастна от того, что хлеб с каждым днем скорее да скорее исчезал, наконец, она была еще очень несчастна от того, что ее муж с таким ожесточением преследовал леди Мэзон. Но она и не думала считать себя несчастною оттого, что она не сделалась мистрис Кеннеби» [10]. Эти строки Тrolлопа, скорее всего, могли способствовать созданию образа Долли, причем о спокойствии и счастье Дарьи Облонской Толстой пишет примерно так же, не раз в романе перечисляя разные беды, беспокойства, проблемы и радости своей героини. Вспомним Долли по приезду в деревню и ее состояние: «Спокойною с шестью детьми Дарья Александровна не могла быть. Один заболел, другой мог заболеть, третьему недоставало чего-нибудь, четвертый выказывал признаки дурного характера, и т. д. и т. д.

Редко, редко выдавались короткие спокойные периоды. Но хлопоты и беспокойства эти были для Дарьи Александровны единственно возможным счастьем. Если бы не было этого, она бы оставалась одна со своими мыслями о муже, который не любил ее» [4. Т. 18. С. 276].

Но при сходстве ситуаций и положений героинь, а также конкретных описаний Долли у Толстого более глубокая натура, о чем можно судить по описаниям переживаний обеих женщин. В то время как Мириам тяготеет внешними хлопотами, Долли, наоборот, заботы о детях помогают жить, не обращаясь к душевной ране.

В увлечении хозяйством филолога и агронома Люция Мэзона, по своему новому методу удобряющего землю и разбирающегося в технологиях ее обработки и облагораживания, отчасти видно сходство с последующими делами Константина Левина, также чрезвычайно радеющего со свое имение.

Эпизоды охоты есть во многих романах Тrolлопа, и в «Орлийской ферме» в том числе. Значимо у Тrolлопа не столько падение Феликса Грегэма с лошади, сколько сходство маневров и ошибок Феликса и Алексея Вронского, падающих с лошадей, а также реплика одного из участников охоты, вспоминающего лошадь с переломленной спиной: «Здесь предстоит такой же самый скачок, на каком лошадь Гробблза сломала себе спину» [10].

В рассматриваемом романе Тrolлопа особенно интересен характер главной героини – сильной женщины, подвергающейся суду присяжных и осуждению со стороны многих людей. Тrolлопу удалось создать целостный и непротиворечивый облик героини, которая постоянно переживает и сомневается, ищет защиты у близких, а при этом готова взять на себя всю вину. «Тrolлоп сам постоянно говорил – и был, несомненно, прав, – что главное для него – изображение характеров. Характеры в их неповторимых особенностях медленно и любовно лепятся художником, лепятся так, чтобы стать перед читателем во всей полноте не сразу, а лишь постепенно, как постепенно знакомство с людьми в самой жизни. Полнокровности их способствовали необыкновенная наблюдательность Тrolлопа и незаурядный житейский опыт, накопленный им к середине жизни, когда он начал писать», – отмечает В.В. Ивашева [11. С. 430]. Мотивы суда и вины, ярко представленные у Тrolлопа, постоянно определяют по-

ведение и настроение леди Мэзон. То же самое можно сказать и про Анну, долгое время вынужденную жить в атмосфере притворства.

Необходимо отметить, что благодаря романам Тrolлопа русский читатель впервые так близко соприкасался с юридическими вопросами. Фактически ни один роман Тrolлопа не обходится без героев-адвокатов, парламентариев. Все герои Тrolлопа уникальны, но в целом его адвокаты делятся на опытных и справедливых законовeдов, хорошо знающих свое дело, и дельцов, проворачивающих разные аферы. Примером мудрого и опытного законника в романе «Орлийская ферма» является мистер Фёрниваль, а его антиподом – проходимец Сэмюель Дократ. Галерея адвокатов у Тrolлопа достаточно велика. В русской литературе 1860–1870-х гг. не так много образов адвокатов, однако в «Анне Карениной» Толстой представляет достаточно колоритный тип адвоката, иллюстрирующий хищнические законы общества, жажду обогащения и радость от чужой беды.

В романе «Виновата ли она?» представлено параллельное развитие судеб двух пар, точнее двух любовных треугольников. История Алисы Вавазор, отказывающейся от замужества с мистером Греем из-за страстной любви к своему двоюродному брату Джорджу Вавазору, очень похожа на историю леди Гленкоры, выходящей замуж за государственного деятеля Паллизера, но страстно тянущейся к красавцу Борго Фицджеральду, не имеющему ни гроша, но готовому увести леди Гленкору от мужа.

За счет изображенной в романе дружбы обеих героинь их истории еще более сближаются: судьба леди Гленкоры становится для Алисы одним из жизненных уроков. Несмотря на разное развитие ситуаций в романах Тrolлопа и Толстого (героини Тrolлопа отказываются от мысли о побеге и расставании с мужем, оценивают в итоге душевные качества и внутреннее богатство своих мужей, оставаясь с ними, в то время как весь роман «Анна Каренина» посвящен страстному желанию Анны уйти от Каренина), ряд образов в произведениях оказываются очень схожими.

Н.М. Саркисова справедливо отметила, что «реализм Тrolлопа не означает копирования действительности, он предполагает упорную работу ума и воображения писателя, вживающегося в характер своего героя. Тrolлоп анализирует и творит одновременно. Его интересуют мелочи, детали, оттенки интонаций, раскрывающих внутрен-

нюю связь между мотивами, побуждениями и поступками героев» [12. С. 343]. Тrolлоп постепенно открывает и читателю, и Алисе сущность Джорджа Вавазора, который сначала предстает внимательным влюбленным, а чуть позднее раскрывается как тщеславный и амбициозный молодой человек, страстно жаждущий занять место в парламенте и готовый на все ради своей цели.

Образы мистера Грея и мистера Паллизера, скорее всего, повлияли на создание Толстым образа Алексея Александровича Каренина. Несмотря на то, что Каренин у Толстого выступает полностью лишённым представлений о живой жизни, о чувствах, несмотря на большую сухость характера Каренина, все три государственных мужа (Грей, Паллизер и Каренин) в чем-то похожи. Английский романист показывает своих персонажей живыми людьми: многие положительные герои Тrolлопа не лишены недостатков, а отрицательные герои, наоборот, иногда имеют яркие достоинства, разумеется, не оправдывающие их, но гармонично совмещающиеся в один характер. «Тrolлоп изображает различные стороны характера героев, но не ищет в них ведущей черты, тем более – ведущей отрицательной черты, как это часто делает Теккереи, заостря самое важное и создавая обобщенный, подлинно типический образ. Конечно, и у Тrolлопа есть отдельные острые зарисовки с натуры: адвокат берет-ся за неправо дело и надеется добиться успеха, запугивая свидетелей; член парламента из корыстных соображений предаёт интересы своих избирателей», – пишет Н.М. Саркисова [12. С. 345]. Такое стереоскопическое изображение персонажей, разумеется, было сразу замечено Толстым, нередко использующим удачные сочетания определенных черт характера или поведения, описанные Тrolлопом, но часто по отношению к героям иной идейной направленности.

Государственные деятели у Тrolлопа и Толстого увлечены политикой, нередко забывают при этом о жизни и близких людях. Правда, уровень абстрагирования от живой жизни у всех героев разный. Джон Грей, несмотря на все причуды Алисы, ее отказ в ответ на предложение, продолжает помогать Алисе, предельно внимателен к ней и оберегает девушку от Вавазора и его хищнических посягательств на деньги Алисы. Джон Грей даже может быть назван идеальным мужчиной: он хорош собой, богат, обладает огромной силой воли: «Взглянув на него, Алиса почувствовала, что таким мужем

любая женщина могла бы гордиться. Он был высокого роста, темно-волос, с ясными голубыми глазами и очень хорошо собою» [13]. Психологически интересны диалоги Алисы и Грея, в которых герой предстает человеком железной воли. Он ни на толику не позволяет себе укорить Алису, несколько раз вводившую его в недоумение, он ведет неспешную войну за ее руку и сердце: «У него было принято твердое решение не уступать ей ни в чем, и что бы они ни сказала ему, смотреть на это, как на галлюцинацию больного воображения...» [13].

Некоторое сходство романов Толстого и Тrolлопа видится нам в отношении героинь к мужчинам: Алисы к Грею, а Анны к Каренину. И та, и другая несколько боятся мужчин, оказываются униженными их волей, репутацией и слишком вежливым и ровным отношением: «Он покачал головою, но губы его не переставали улыбаться. В этой невозмутимой ясности было что-то такое, выводящее ее из себя. Кажалось, что он ставит себя так неизмеримо выше ее, что на каждое ее решение посмотрит как на каприз ребенка. <...> Он воплощенное совершенство, часто повторяла Алиса про себя. О, если бы в нем был хоть один недостаток» [13]. После свидания с Греем Алиса рассказывает об их встрече своему отцу, и отец также признает, что Грей слишком уж добродетелен. Нельзя исключать, что этот психологически верно уловленный Троллопом страх молодой женщины перед слишком правильным и добродетельным человеком был творчески освоен Толстым. И хотя ситуация в семье Карениных несколько другая, чувство Анны сходно с чувствами Алисы. Вот что говорит Анна Стиве после родов и болезни: «Я слыхала, что женщины любят людей даже за их пороки, – вдруг начала Анна, – но я ненавижу его за его добродетель. Я не могу жить с ним. Ты пойми, его вид физически действует на меня, я выхожу из себя. Я не могу, не могу жить с ним. Что же мне делать? Я была несчастлива и думала, что нельзя быть несчастнее, но того ужасного состояния, которое теперь испытываю, я не могла себе представить. Ты согласишься ли, что я, зная, что он добрый, превосходный человек, что я ногтя его не стою, я все-таки ненавижу его. Я ненавижу его за его великодушие» [4. Т. 18. С. 449]. Разумеется, великодушие Грея очень отличается от великодушия Каренина.

Одним из самых значительных образов во всем цикле романов Троллопа о Плантагенете Паллизере является как раз образ этого государственного деятеля, вне всякого сомнения, отмеченный Толстым, который наделил многими схожими чертами Алексея Александровича Каренина. Троллоп показывает, что Паллизер был государственным человеком значительного масштаба: «Мистер Паллизер был из числа тех политических деятелей, которыми Англия по праву может гордиться, и совокупные усилия которых, обуславливая стройное слияние консерватизма и прогрессивности, служат основанием ее величия в настоящем и ручательством безопасности в будущем» [13]. В романе «Анна Каренина» в одной из светских гостиных жена посланника цитирует слова своего мужа о Каренине: «Муж говорит, что таких государственных людей мало в Европе» [4. Т. 18. С. 143], благодаря чему читатель оценивает уровень Каренина.

И Паллизер, и Каренин чрезвычайно скучны как на службе, так и в личной, семейной жизни. «Если он был скучен, как государственный человек, то он был еще скучнее в частной жизни», — пишет Троллоп о Паллизере [13]. Оба политических деятеля в большей степени заботятся о своем деле и собственной карьере, считая, что женитьба уже решила все их семейные заботы. При этом леди Гленкора и Анна остаются забытыми. Леди Гленкора вспоминает своего страстного поклонника Борго только потому, что ей не хватает внимания мужа: «Любовь и ласки были необходимым условием ее счастья. Ей нужны были все эти маленькие, ежедневные доказательства в том, что она любима; взгляд, брошенный мельком и выражающий даже и не любовь, а взаимное понимание, какая-нибудь шутка, случайный поцелуй, полупритворное участие в ее маленьких интересах, пожатие руки, даже маленькая ссора. Но мистер Паллизер ничего не смыслил во всех этих тонкостях...» [13]. Анна Каренина, называющая мужа куклой и министерской машиной, по сути дела, передает ту же скупость на чувства Каренина.

Леди Гленкора компрометирует себя в обществе, танцуя на балу с Борго Фицджеральдом и отдавая ему все свое время и внимание. Вспомним, что Анна в Москве также танцует на балу с Вронским, а после, в Петербурге, компрометирует себя слишком длительными и уединенными беседами с Вронским в свете. Речи об измене у Троллопа не идет, но и Паллизер, и Каренин предупреждают жен о воз-

можных последствиях их поведения. Страстная и запретная любовь Гленкоры и Анны очень рано заставляют их задуматься о смерти как лучшем выходе из тупика: «И не все ли равно, куда я избуду себя? – говорит Гленкора мужу. – В воду ли брошусь, или с ним уйду, лишь бы ты мог взять другую жену и иметь от нее ребенка? Я умерла бы охотно, я бы рада была умереть, Плантагенет, я убила бы себя, если бы у меня достало духу» [13]. Анна Каренина оказывается в другой, более драматической ситуации, и ее также посещают мысли о смерти, о которых она говорит Каренину: «Скоро, скоро оно кончится и так, – проговорила она, и опять слезы при мысли о близкой, теперь желаемой смерти выступили ей на глаза» [4. Т. 18. С. 383].

Плантагенет Паллизер у Троллопа находит в себе силы для изменения жизни, он временно отходит от государственной деятельности, уезжая с женой за границу, спасая тем самым и Гленкору, и свой брак. Вызов, брошенный Гленкорой мужу, заставляет его пересмотреть свои чувства, он обращает все свое внимание на жену и ее состояние. Но то, что оказалось возможным для Паллизера, совершенно неприемлемо для Каренина. «Он впервые живо представил себе ее личную жизнь, ее мысли, ее желания, и мысль, что у нее может и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему так страшна, что он поспешил отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть. Переноситься мыслью и чувством в другое существо было душевное действие, чуждое Алексею Александровичу. Он считал это душевное действие вредным и опасным фантазерством» [4. Т. 18. С. 152].

Обратим внимание, что рядом с только что возникшей мыслью о чувствах жены у Каренина сразу же появляется дума о службе: «И ужаснее всего то, – думал он, – что теперь именно, когда подходит к концу мое дело (он думал о проекте, который он проводил теперь), когда мне нужно все спокойствие и все силы души, теперь на меня сваливается эта бессмысленная тревога» [4. Т. 18. С. 152]. В отличие от Паллизера, понявшего одиночество жены, Каренин сразу же открепивается от чувств Анны: «Вопросы о ее чувствах, о том, что делалось и может делаться в ее душе, это не мое дело, это дело ее совести и подлежит религии», – сказал он себе, чувствуя облегчение при сознании, что найден тот пункт узаконений, которому подлежало возникшее обстоятельство» [4. Т. 18. С. 152].

Как и Тrolлоп, Толстой показывает, что вина за что-то очень редко лежит на одном человеке. Алиса и Гленкора у Тrolлопа просто не хотят до определенного времени видеть лучшие качества Джона Грея и Плантагенета Паллизера, точно так же Анна Каренина, живя с мужем, не интересуется его бытием, его внутренним миром. Толстой иллюстрирует душевное одиночество Карениных, не только Алексей Александрович не задумывается о внутреннем мире Анны, и сама чуткая Анна пренебрегает Карениным. Нужна драма, чтобы Анна впервые осознала сущность своего мужа: «Он выговорил его под конец *пелестрадал*. Ей стало смешно и тотчас стыдно за то, что ей могло быть что-нибудь смешно в такую минуту. И в первый раз она на мгновение почувствовала за него, перенеслась в него, и ей жалко стало его. Но что ж она могла сказать или сделать? Она опустила голову и молчала» [4. Т. 18. С. 384].

Внутренний мир Джорджа Вавазора и Борго Фицджеральда – избранников Алисы и Гленкоры у Тrolлопа и Вронского – избранника Анны у Толстого очень отличается, все эти три героя меняются на глазах читателей, и эти изменения чрезвычайно интересны. Вавазор постепенно поворачивает в худшую сторону, обуреваемый тщеславием и жадной места в парламенте, он готов разорить Алису, он поднимает руку на сестру. У Толстого любовь Анны значительно преображает Вронского, он постепенно приближается к мысли семейной в толстовском ее понимании, задумывается о спокойном счастье с Анной и детьми.

Любовь Джорджа Вавазора к лошадям, свойственная также и Вронскому, влияние тети на Алису (Анну Каренину выдала замуж именно тетя, а в черновиках к роману был еще и достаточно большой эпизод общения уже замужней Анны с теткой, их разговор о семейной жизни Анны) могут быть лишь случайными совпадениями. Интересным в художественном мире романов кажутся нам знаковые сравнения, касающиеся отношения к женщине.

И Тrolлоп в романе «Виновата ли она?», и Толстой в романе «Анна Каренина» ставят различных героев в схожие ситуации, наблюдая за их выбором. Так, оба писателя показывают сомнения и решения различных героинь в схожих ситуациях избрания поклонников. Романисты большое внимание уделяют проблеме избрания героем или героиней своей второй половины: от этого, как показы-

вают Троллоп и Толстой, зависит дальнейшее счастье семьи и гармоничное движение вперед каждого ее члена. Линия взаимоотношений тетушки Джорджа и Кэт Вавазор, молодой вдовы мистрис Гринау и ее поклонников обрисована с юмором, и даже в ироничных тонах, но она все-таки перекликается в романе с мотивом выбора мужа Алисой. А художественный параллелизм историй Алисы и леди Гленкоры становится одним из важнейших композиционных приемов. Несмотря на то, что главной героиней романа является Алиса, истории Гленкоры и Паллизера, развивающейся и в следующих романах цикла, в данном произведении уделено немало внимания.

У Толстого мы видим сюжетные линии Анны и Левина, сопоставленные не столько на уровне поступков и форм поведения, сколько на основании духовного движения и нравственного выбора. Между тем история Анны и Вронского, исключительная в силу значительной глубины героев, на уровне легких светских интриг повторяется для Бетси Тверской, Сафо Штольц, Лизы Меркаловой.

И у Троллопа, и у Толстого разговоры героев то и дело обращаются к центральной теме женитьбы или замужества и последующей семейной жизни. «Мужчина же, вступая в брак, всегда смотрит на женитьбу, как на несчастье», – рассуждает у Троллопа Джордж Вавазор. – «Он женится так же, как принимает лекарство, в избежание еще большего зла. Никому неприятно дергать себе зуб, а между тем все дергают себе зубы; те же, которые слишком медлят этой операцией, подвергаются большим неприятностям» [13]. Обратим внимание, что женитьба в данном случае переносится героем Троллопа исключительно на уровень телесный, физиологический, ни о каком чувстве и духовной близости Вавазор и не задумывается. Разумеется, такие слова уже в начале романа иллюстрируют читателю позицию героя. Эту же метафору использует Толстой, когда говорит о Каренине, узнающем об измене жены: «Он испытывал чувство человека, выдернувшего долго болевший зуб. После страшной боли и ощущения чего-то огромного, больше самой головы, вытягиваемого из челюсти, больной вдруг, не веря еще своему счастью, чувствует, что не существует более того, что так долго отравляло его жизнь, приковывало к себе все внимание, и что он опять может жить, думать и интересоваться не одним своим зубом. Это чувство испытал Алексей Александрович. Боль была

странная и страшная, но теперь она прошла; он чувствовал, что может опять жить и думать не об одной жене» [4. Т. 18. С. 294].

Как справедливо отмечают почти все исследователи романов Троллопа, одним из отличительных качеств его творчества была абсолютная правдивость. И Троллоп, и Толстой всегда стремились к максимальной верности описаний, оба писателя считали чрезвычайно важным изображение естественного, а не сделанного пути героя.

Ч.П. Сноу предполагает, что искреннее восхищение Толстого Троллопом было связано в первую очередь с умением последнего трезво наблюдать за жизнью, быть максимально объективным, создавать свои художественные произведения на основании жизненных законов, но без назидания и собственного вмешательства в художественный мир произведения. «У Толстого было колоссальное “эго”, которое требовало непрерывного подавления – иначе он не мог бы принять и понять своих собственных персонажей. <...> Но он побеждает свое “эго”, когда стоит перед вымышленными им людьми – с ними он столь же смиренен и ненавязчив, как и сам Троллоп. То, что Толстой был на это способен, знаменует величайшее торжество искусства. Троллопу же такая позиция давалась легко – у него, как показал наш анализ, “эго” было слабым нередко даже в ущерб его житейскому благополучию. Оставаться в стороне, изучать, впитывать – это было в его натуре. Он совершенно не хотел управлять жизнью других людей. А Толстой хотел. Однако Толстой был чрезвычайно честным художником. Чтобы обрисовывать и анализировать других людей, необходимо хотя бы на время отказаться от желания управлять ими. В двух своих великих романах Толстой добивается от себя того, что у Троллопа получалось само собой», – отмечает Ч.П. Сноу [9. С. 175–176].

Скорее всего, указанная Ч.П. Сноу особенность художественного творчества Толстого была и причиной, и следствием отсутствия диалога повествователя с читателем. Точка зрения автора-повествователя у Толстого, в связи с особенностями его личности и мировоззрения, просто не могла быть соразмерной, одномасштабной взгляду читателя, поэтому Толстой не делает каких-либо выводов относительно поступков героев, в художественном мире романа «Анна Каренина» максимально скрыто авторское понимание происходящего и его оценка. Получается, что автор-повествователь и у Троллопа, и у

Толстого могут быть охарактеризованы как всезнающие, но при сопоставлении текстов романов складывается впечатление, что Тrolлоп все-таки ближе к своим героям, нежели Толстой. Во многом такому впечатлению способствуют обращения повествователя к читателям, присутствующие в романах Тrolлопа.

В.А. Бячкова описывает две ситуации, в которых повествователь у Тrolлопа взывает к читателю. В первом случае «всезнающий повествователь обращается к читателю как собеседник, комментируя события сюжета, поступки героев, высказывая свое, авторское отношение к ним. Точка зрения автора при этом не всегда, даже потенциально, совпадает с точкой зрения читателя. В таких случаях надежный повествователь, объясняя читателю свой взгляд на ситуацию, воспитывает его, подводит к мнению, близкому к авторскому» [14. С. 23]. Во втором случае автор обращается к читателю с помощью местоимения «мы», как бы объединяя себя и реципиента. Таким образом «автор также получает возможность “направлять” читателя, напоминая ему некоторые события сюжета или предсказывая их дальнейшее развитие» [14. С. 23].

Нередко Тrolлоп позволяет себе актуализировать для читателя определенные важные моменты, хотя чаще всего он не дает поступкам героев прямых и однозначных оценок. Точка зрения Толстого в «Анне Карениной» может быть осмыслена лишь при сопоставлении эпизодов, поступков героев, воссоздании художественной целостности.

Очень хорошо позицию автора в романах Тrolлопа и Толстого можно проанализировать на примере перекликающихся мотивов. Примечательно, что в названии романа Тrolлопа «Виновата ли она?» (есть и вариант перевода «Можно ли ее простить?») уже содержится ряд важнейших мотивов: преступления, наказания, вины, которые становятся впоследствии центральными и в «Анне Карениной».

Обращения к читателям в романах Тrolлопа немногочисленны. В романе «Виновата ли она?» они напрямую соотносятся с заглавием произведения. Вопрос, вынесенный в заглавие романа Тrolлопа, может быть отнесен ко всем его героиням: к мистрис Гринау, к Алисе, к Гленкоре, даже к Кэт Вавазор. Ситуация, в которой оказывается Алиса Вавазор, отказавшая любящему ее человеку, отчасти сходна с ситуацией с Кити Щербацкой в романе «Анна Каренина». Алиса отказывает искреннему и честному Джону Грею, как Кити отказывает

Левину. «Только тогда она поняла свою ошибку, всю пропасть, лежавшую между мечтой и действительностью, между минутным увлечением, блеснувшим перед ней счастьем и настоящим счастьем. Она согласилась быть женой человека, которого не любила, и ради пошлого честолюбия оттолкнула от себя того, кто был ей дороже всего на свете. Одно воспоминание об этом возмущало ее, и она чувствовала, что никогда не простит себе» [13].

Троллоп очень скрупулезно и внимательно описывает переживания Алисы, ее постоянные колебания, но по масштабу они несопоставимы с драмой и даже трагедией Анны Карениной. Мотив вины не раз появляется на страницах романа. «Он никогда не бывал виноват. Он смело может сказать, что не знает за собою ни одной вины», – говорит Алиса про Джона Грея [13]. Ни один раз заставляя свою героиню сознавать собственную вину, Троллоп показывает читателю, что прощает ее и призывает читателя к такому прощению: «А вы, неправда ли, прощаете ее, читатель? Или, может быть, я слишком рано предлагаю Вам этот вопрос. Что до меня, то я давно уже простил ее...» [13]. Мотив вины и ее искупления становится одним из центральных в романе Толстого: свою вину пытается искупить или загладить Стива Облонский, с виной за измену и предательство мужа и сына пытается жить Анна Каренина. Однако Толстой не берет на себя право вершить судьбы, обвинять или прощать. Важнейшей особенностью «Анны Карениной» является воплощение в художественном мире образца духовного движения человека. В отличие от Троллопа, представляющего в своих романах жизненные перипетии героев, руководящего читателем, его выводами относительно того или иного персонажа, подводящего реципиента к определенной нравственной оценке поступков, Толстой снимает с себя и каждого из читателей право судить свою героиню. Вспомним эпиграф к роману «Анна Каренина»: «Мне отмщение и Аз воздам» [4. Т. 18. С. 3]. По сути дела, относясь ко всему роману, являясь элементом целостности художественного мира, эпиграф при этом оказывается внеположной ему, иной точкой зрения, благодаря которой читатель Толстого приобщается не просто к созданному автором миру, а к его отношениям с Высшей силой, с Богом.

А.И. Эртель, русский писатель 1870–1890-х гг., отмечал, что все писатели делятся на три типа. Лучшие из них умело совмещают

изображение обывденной жизни и ее высшие мерила: правду, добро, красоту, любовь – Бога, как проявление высшего закона. «Разумеется, в высшем-то своем типе искусство должно неразрывно соединять в себе и то и другое, то есть над сумятицей изображаемой жизни, над всем злом и добром этой сумятицы, над ее красотой и безобразием непрестанно должен носиться “дух Божий”, непрестанно должно слышаться напоминание о том, что есть правда, есть добро, есть красота; что есть непререкаемое мерило всей этой нестройности жизни, всей этой толчеи и как будто бессмысленной и неуловимой пестроты жизненных явлений. И у великих художников это всегда есть. Есть у Толстого, у Шекспира, у старых греческих трагиков, у Гёте (в Фаусте)» [15]. Но есть, по мнению Эртеля, и еще два типа: некоторые из писателей представляют изумительные галереи человеческих страстей, однако при этом не дают читателю путеводной звезды. И реципиент, не имеющий в душе Бога, может заблудиться в художественном мире, принять обманный блеск за истинный. Писатели третьего типа в первую очередь ратуют за показ Божественных законов, но при этом не изображают живой, естественной жизни, а рисуют некую сказку, сон, поэтому и влияние их на читателя уподобляется влиянию сна.

Мы привели классификацию писателей Эртеля именно потому, что она позволяет указать на различия в таланте Толстого и Тrolлопа. Толстой выступает как истинно религиозный художник: его глобальной целью является приобщение читателя к религиозному сознанию, передача ему понимания того, что является высшим мерилom в жизни. Разумеется, Тrolлоп не пользуется своим талантом, «чтобы служить явной похоти или явному соблазну», он пытается показать читателям иерархию ценностей героев, однако высшей ступенью у него не всегда является «дух Божий». Поэтому Тrolлоп может быть отчасти причислен к тем романистам, которые, по мнению Эртеля, правдиво изображают жизнь, но не подвигают читателя к духовному росту: «В этом мутном и неприглядном море человеческих страстей, пороков, зла, глупости и ошибок нужно странствовать со своим собственным компасом – с недремлющим Богом в своей душе; разумеется, тут возможны для читателя и соблазны, как возможны они и в настоящей жизни, – но зато какое расширение сознания, какой опыт, какое наглядное доказательство всего вреда, проис-

ходящего от извращения ума, страстей и чувств, какое знание новых обстоятельств в нравственной, исторической, бытовой, физиологической жизни человечества» [15]. Именно поэтому собирательный тип романа Тrolлопа, читаемый Анной Карениной в вагоне, рассматривается Толстым как произведение, иллюстрирующее отражения жизни.

Вслед за Тrolлопом Толстой иллюстрирует многие болезни общества и странные, патологические отклонения в сторону искусственной жизни с помощью мотива сумасшествия. Нередко сами герои осознают абсурдность своего поведения. Так, Алиса, полностью запутавшись в своих предпочтениях, отказав Джону Грею и осознавая низкую сущность Вавазора, оценивает нелогичность своего поведения: «Сумасшествием было с ее стороны давать свое согласие на этот брак, сумасшествием было ехать с ними за границу» [13]. Сумасшествие тут сродни помрачению героини, завлеченной в сложную игру. Уместно вспомнить Вронского, который также вынужден играть и приспосабливаться ради принца: «Он всю эту неделю не переставая испытывал чувство, подобное чувству человека, который был бы приставлен к опасному сумасшедшему, боялся бы сумасшедшего и вместе, по близости к нему, боялся бы и за свой ум» [4. Т. 18. С. 373].

Тrolлоп очень реалистично показал человека в состоянии психоза, развивающегося под влиянием какой-то одной навязчивой мысли или идеи, трудного положения. В романе «Леди Анна», мать Анны, Жозефина Ловель, всю свою жизнь отдавшая на борьбу за законный титул и наследство, не может спокойно допустить женитьбы дочери на портном. Тrolлоп на протяжении ряда глав показывает, как растет и крепнет желание отомстить за все обиды в сердце матери. Она готова на самоубийство, на убийство жениха дочери, она негодует, что дочь не умерла во время тяжелой болезни: «Она не боялась смерти, не боялась ничего за гробом, но содрогалась от страха при одной мысли о грозившем ей унижении. <...> Но может быть, кто-нибудь из них умрет, дочь или портной, или сама она, несчастная мать, и мучение ее кончится» [16]. Героиня Тrolлопа, как после и Анна Каренина у Толстого, ищет способ отмищения.

Любые элементы, заимствованные Толстым, творчески переработанные им, приобретают особый, толстовский масштаб. Одной из важнейших особенностей романа «Анна Каренина» является посте-

пенное приобщение читателя к религиозному сознанию: на фоне исканий и сомнений Толстого 1870-х гг., трудно разрешимых религиозных вопросов, присутствующих в мире писателя в эти годы, художественный мир романа «Анна Каренина» как особая модель действительности оказывается полностью в рамках христианской культуры. Обобщения и прозрения Толстого, создавшего в «Анне Карениной» один из лучших образцов эпического романа, на порядок глубже суждений Тrolлопа. Однако социально-психологические романы Тrolлопа, в которых писателю удалось показать целостный образ английского общества, жизнь различных социальных слоев, галерею персонажей со своими убеждениями, пристрастиями, целями и проблемами, в значительной мере повлияли на Толстого.

Скорее всего, можно говорить о том, что творческие освоения Толстым находок Тrolлопа коснулись разных аспектов. Масштабные эпические циклы Тrolлопа могли повлиять на Толстого, искавшего особую новую жанровую форму романа. Толстой в полной мере оценил мастерство Тrolлопа-реалиста и психолога, создавшего правдивые образы героев. Особое влияние на Толстого могли оказать примеры деятельных и активных героинь Тrolлопа, образы политиков и особенно Пантагенета Паллизера. Внимательное сопоставление героев, поведенческих характеристик, мотивов и сюжетных ходов у Тrolлопа и Толстого позволило нам обнаружить систему переключек художественных миров романистов. Внешне оценивая роман Тrolлопа как роман светский, роман отражений жизни, Толстой использовал немало положительных черт героев Тrolлопа, по-своему перетасовав их и наделив ими своих персонажей.

Литература

1. *Проскурнин Б.М.* Диалог русской и английской культур: об одном аспекте рецепции творчества Энтони Тrolлопа в России // *Мировая литература в контексте культуры*. 2015. № 4 (10). С. 33–45.
2. *Капустин Н.В.* «Чужое слово» в прозе А.П. Чехова: жанровые трансформации. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2003. 262 с.
3. *Андреева В.Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.
4. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928–1958.

5. Андреева В.Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. 296 с.
6. Хьюитт К. Энтони Тrollope: с терпимостью и сочувствием // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 276–299.
7. Гнусова И.Ф. «Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое»: творческий диалог Л.Н. Толстого с Э. Тrollopeм // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 15–21.
8. Тrollope Э. Бриллиантовое ожерелье. URL: http://az.lib.ru/t/trollope_e/text_1873_the_eustace_diamond-oldorfo.shtml
9. Сноу Ч.П. Тrollope / пер. с англ., предисл. В.В. Ивашевой. М.: Высш. шк., 1981. 208 с.
10. Тrollope Э. Орлийская ферма. URL: http://az.lib.ru/t/trollope_e/text_1862_orley_farm-oldorfo.shtml
11. Ивашева В.В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худ. лит., 1974. 464 с.
12. Саркисова Н.М. Энтони Тrollope // История западноевропейской литературы. XIX век. Англия / под ред. Л.В. Сидорченко, И.И. Буровой. СПб.; М.: СПбГУ; Академия, 2004. С. 337–347.
13. Тrollope Э. Виновата ли она? URL: http://az.lib.ru/t/trollope_e/text_1865_can_you_forgive_her-oldorfo.shtml
14. Бячкова В.А. Принципы экспликации формального адресата в романах Э. Тrollope 1860-х гг. // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3. С. 21–25.
15. Этель А.И. Письма. URL: http://az.lib.ru/e/ertelx_a_i/text_0070.shtml
16. Тrollope Э. Леди Анна. URL: http://az.lib.ru/t/trollope_e/text_1874_lady_anna-oldorfo.shtml

Novels by Anthony Trollope and *Anna Karenina* by Leo Tolstoy: Genetic and Typological Similarities

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 14, pp. 62–89. DOI: 10.17223/24099554/14/3

Valeria G. Andreeva, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: lanfra87@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy, Anthony Trollope, novel, epic novel, sociopsychological novel, realism, borrowing, creative development, artistic similarities.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00102.

The article discusses the ideological and thematic similarities of the novels by Anthony Trollope and Leo Tolstoy and evaluates the possible images and motives that Tolstoy could creatively master after reading Trollope's novels and use to create the

novel *Anna Karenina*. The author of the article states that more than two dozen Trollope's novels, which were especially popular among his contemporaries, were translated into Russian and published in Russia. Moreover, some of them were released more than once, appearing first on the pages of literary journals, and then in the form of separate books. Trollope's novels were included into a kind of an artistic polylogue of Russian novelists who talked about the future of the country, about a new hero, about current problems of the present and the development path of Russia. A careful comparison of Trollope's novels and the *Anna Karenina* novel allows the author of the article to conclude that the English writer, his artistic images and ideas had a significant influence on Tolstoy. *Anna Karenina* gives an important "hint": the protagonist reads a book whose plot elements resemble the collective image of Trollope's works very much. The author of the article, for the first time, thoroughly studies the possible effects of Trollope's novels on Tolstoy, notes the lines of the writers' ideological convergence and divergence. She analyzes individual plot schemes and elements of Trollope's novels that Tolstoy could creatively master and the most important images and motifs of Trollope's works that influenced Tolstoy's artistic search. The author shows that the Russian classic admired Trollope's skill in portraying characters, his thought-out system of heroes' changing, passing certain stages of development as artistic time progresses. She notes specific exchanges at the character level in Trollope's novels *Orley Farm* and *Can You Forgive Her?* and Tolstoy's novel *Anna Karenina*. While comparing the novels, the author pays special attention to the topics of human destiny, family, to the images of statesmen and strong, resolute heroines; notes the special veracity and artistic accuracy of Trollope and Tolstoy; analyzes the images of narrators in the writers' novels. The author states that, following Trollope, Tolstoy illustrates many diseases of society and strange, pathological deviations towards artificial life. However, all the artistically mastered elements of Trollope acquire a different scale in Tolstoy not only due to the truthful and accurate transfer of facts and events by the Russian writer, but also due to the religious consciousness present in Tolstoy's works. Externally evaluating Trollope's novels as novels of life's reflections, Tolstoy used many of the positive features of Trollope's heroes, shuffling them in his own way and endowing them with his characters.

References

1. Proskurnin, B.M. (2015) The Dialogue of Russian and English Cultures: On One Aspect of Anthony Trollope's Reception in Russia. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury – World Literature in the Context of Culture*. 4 (10). pp. 33–45. (In Russian).
2. Kapustin, N.V. (2003) "Chuzhoe slovo" v proze A.P. Chekhova: zhanrovye transformatsii ["Alien Word" in A.P. Chekhov: Genre Transformations]. Ivanovo: Ivanovo State University.

3. Andreeva, V.G. (2016) *O natsional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroy poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. Kostroma: Kostroma State University.
4. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: In 90 Vols]. Moscow: Khud. lit.
5. Andreeva, V.G. (2012) “*Beskonechnyy labirint stsepleniy*” v romane L.N. Tolstogo “*Anna Karenina*” [“An Endless Labyrinth of Links” in the novel “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy]. Kostroma: Avantitil.
6. Hewitt, K. (2015) *Entoni Trollop: s terpimost'yu i sochuvstviem* [Anthony Trollope: With Tolerance and Sympathy]. Translated from English by I. Popova. *Vo-prosy literatury*. 6. pp. 276–299.
7. Gnyusova, I.F. (2014) “I Console Myself That He Has His Own, and I Have Mine”: Leo Tolstoy’s Creative Dialogue With Anthony Trollope. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 389. pp. 15–21. (In Russian).
8. Trollope, A. (1873) *Brilliantovoe ozherel'e* [The Eustace Diamonds]. Translated from English. [Online] Available from: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1873_the_eustace_diamond-oldorfo.shtml.
9. Snow, C.P. (1981) *Trollop* [Trollope: His Life and Art]. Translated from English by P. Gurov. Moscow: Vyssh. shkola.
10. Trollope, A. (1862) *Oriyskaya ferma* [Orley Farm]. Translated from English. [Online] Available from: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1862_orley_farm-oldorfo.shtml.
11. Ivasheva, V.V. (1974) *Angliyskiy realisticheskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [The English Realistic Novel of the 19th Century in the Modern Interpretation]. Moscow: Khud. lit.
12. Sarkisova, N.M. (2004) *Entoni Trollop* [Anthony Trollope]. In: Sidorchenko, L.V. & Burovaya, I.I. (eds) *Istoriya zapadnoevropeyskoy literatury. XIX vek. Angliya* [History of Western European Literature. 19th Century. England]. St. Petersburg: Moscow: St. Petersburg State University, Akademiya. pp. 337–347.
13. Trollope, A. (1865) *Vinovata li ona?* [Can You Forgive Her?]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1865_can_you_forgive_her-oldorfo.shtml.
14. Byachkova, V.A. (2008) Printsipy eksplikatsii formal'nogo adresata v romanakh E. Trollopa 1860-kh gg. [The principles of expressing the formal addressee in A. Trollope’s novels of the 1860s]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury – World Literature in the Context of Culture*. 3. pp. 21–25.
15. Ertel', A.I. (1908) *Pis'ma* [Letters]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/e/ertel'_a_i/text_0070.shtml.
16. Trollope, A. (1874) *Ledi Anna* [Lady Anna]. Translated from English. [Online] Available from: http://az.lib.ru/t/trollop_e/text_1874_lady_anna-oldorfo.shtml.